

Ошибка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Ошибка. Максим Горький

Сельский учитель не у дел, Кирилл Ярославцев, опершись локтями о стол и туго сжав виски ладонями, смотрел тупыми глазами на рассыпанные пред ним статистические карточки и пытался выдавить из своих утомлённых работой мозгов представление о том, что же надлежит теперь делать с этими четырёхугольными листами бумаги?

Это никак не удавалось ему. В голове глухо шумело, и ему казалось, что она налита чем-то густым и тяжёлым, что больно давит изнутри на глаза, стремясь излиться наружу. Цифры с карточек то вдруг исчезали, то появлялись и снова холодно и сухо свидетельствовали о чём-то; иногда они уменьшались до крохотных, неясных каракулек и вдруг вырастали в крупные, странные и поджарые фигуры. Ярославцев следил за их игрой и чувствовал, что в нём, где-то глубоко, вырастает и формируется тяжёлая и беспокойная мысль. Она ещё была неясна ему, но она непременно появится, и тогда ему будет ещё хуже и больнее, чем теперь.

Последнее время его стали всё чаще и чаще преследовать эти мысли, гнетущие душу. Окрашивая всё в тёмный цвет, сырые и холодные, точно осенние тучи, они оставляли за собой на душе ржавчину тоски и тупого равнодушия ко всему. Было что-то роковое в медленности, с которой они формировались в сознании, и никогда и ничем ему не удавалось задержать их рост и развитие. Он делал такие попытки: вставал из-за стола, ходил по комнате и пел или шёл к кому-нибудь из знакомых, но они заглушали песню и всюду ползли за ним, не оставляя его и вне дома.

Сначала он упорно боролся с ними, но потом увидел, что эта борьба не влечёт за собой никаких последствий, кроме утомления души, и всегда ведёт к тому, что они давят его сильнее, становясь образнее и ярче от его сопротивления им. Тогда он уступал, и уж если чувствовал, что вот они идут, то валился на диван и, заложив руки под голову, отдавал себя во власть им.

Так оставался он часа по два, по три, а иногда и целые ночи, как бы расколотый на две части, причём одна, от времени становившаяся все меньше, жалобно и беспомощно следила за другой, которую овладели эти тяжёлые думы, перетиравшие, подобно жерновам, всё хорошее и светлое, что есть в жизни, и всё, чем наделяет её мечта, в сухую, бесцветную, едкую пыль.

Он лежал, упорно глядя в потолок да слушая биение своего сердца и звук маятника часов в комнате квартирной хозяйки. Так-так! Так-так! – мерно бил маятник и точно подтверждал своим уверенным и твёрдым звуком справедливость того, что навязывали думы сознанию Кирилла Ивановича. Наконец он привык к ним и только чувствовал смутный страх, когда они давали знать о том, что идут на него. Потом этот страх временно исчезал, подавленный их работой, и вдруг через некоторое время являлся снова.

Но он являлся уже в новой форме – в форме тоскливой, ожидающей, неотвязной боязни, которая всё возрастала и всё напряжённее ждала какого-то страшного факта.

Кириллу Ивановичу казалось, что вот появится нечто суровое и торжествующее, появится, станет у дивана и, грозно, ехидно скажет:

– А ведь я вижу, о чём вы думаете! Вижу. Я всё вижу; самомалейший изгиб вашего мозга мне ясен. Как же вы решаетесь думать о том, что не подлежит ведению вашему, – ведению человека, к жизни непрichaстного и от неё отторгнутого, а? Как же это вы, государь мой? А вы знаете, что за это вас можно... – и он покажет, что за «это» можно сделать с человеком.

Представляя себе такую картину, Ярославцев вздрагивал и жалобно смотрел на дверь.

Дверь была тоненькая и хлипкая, а крючок проволочный. От посещения этого всезнающего существа она не оградит и – ничто не оградит от его посещения. Ярославцеву казалось, что оно проникло бы и сквозь каменные стены. И в ожидании его он страдал, вздрагивая при каждом шуме, и чувствовал, что эта тоскливая

Ошибка. Максим Горький gorki.ucoz.ru

боязнь, с каждым своим возрождением, становится всё сильнее, охватывает его всё крепче и вот-вот она возрастет, поглотит его... и тут уж воображение останавливалось перед чем-то тёмным, полным леденящего душу ужаса.

«Как избавиться от всего этого? – думал он в более светлые моменты и отвечал себе: – Подчиниться. Пусть оно совершенно охватит меня, и тогда я перестану его чувствовать...»

И в этот раз он тоже хотел было лечь на диван, но вдруг услышал торопливый скрип двери за своею спиной, быстрые шаги и утомлённый голос:

– Вы дома? Ну, наконец, нашёл одного!.. Ф-фу!

Кирилл Иванович обернулся на стуле и увидел одного из знакомых статистиков, которого в бюро прозвали Минорным. Он сел на стул и, держа в одной руке белую фуражку, другою вытирал со лба крупный пот. Лицо у него было бледно и измято, глаза воспалены, и весь он производил впечатление человека, крайне уставшего.

Ярославцев крепко, молча, с удовольствием пожал ему руку. Этот человек своим появлением отдалял приступ дум.

– Бегал по жаре, как сумасшедший, – никого! – говорил Минорный, с неудовольствием поджимая губы, и, зажмурив глаза, нервно провёл по ним пальцем, как бы смахивая с ресниц что-то.

– А кого вам нужно? – хотел спросить Кирилл Иванович, но не успел.

– Вот видите что... вы только, пожалуйста, не отказывайтесь... потому что я больше не могу! Две ночи напролёт возился, будет! Это свинство со стороны всех.

Да, ведь я не сказал вам, в чём дело... Этот... как его?... Кравцов! Сошёл с ума... да! Третий день... Всё, знаете, говорит, говорит, чёрт не разберёт, что такое! Впрочем, иногда очень сознательные и умные вещи. Ну, так вот... я был при нём кряду два дня и больше не могу... Страшно устал. Он буен, если ему противоречить, лезет драться.

Ерундит страшно! Начал мазать стены ваксой... Разделся донага и давай себе чистить щёткой голую грудь. Воображает себя гением добра и дерётся. Смешно и жалко... Бывает доктор. Хлопочут о помещении в больницу, но всё так медленно. А главное, возмутительно формальны и черствы мы все! Приходят, знаете, посмотрят на него в дверную щель, посочувствуют и удерут. Всем некогда, у всех какие-то дела явились. Я больше не могу, уверяю вас! Пойдите вы, голубчик, а? Там теперь Лыжин... Вы, я знаю, мало знакомы были с этим несчастным; но разве это теперь не всё равно? Не так ли? Вы пойдёте?

– Да, я – конечно. Я могу – хоть сейчас! – медленно протянул Кирилл Иванович.

– Именно сейчас! – внушительно и торопливо воскликнул Минорный и пояснил:

– Этот Лыжин и остался там только на условии, что его часа через два сменят... Вот и прекрасно... идите-ка! Вы сильный, вам это будет нетрудно. И как это я не догадался давеча прямо к вам махнуть?... Не измаялся бы так... Ну, так вы идёте?

– Хорошо... идёте.

Минорный поднялся со стула, быстрым жестом бросил себе на голову фуражку, поправил её и, отворив дверь, оглянулся на Ярославцева.

Последний задумчиво и медленно натягивал на себя пальто, закусив нижнюю губу и упорно глядя на ноги Минорного.

– Знаете что? – живо заговорил тот. – Ведь вам известна его квартира? Так идите, милый, один, а я домой прямо, а? Хорошо? Ну, и спасибо! Не поверите, ну, чёрт знает, до чего я...

Заключительные слова фразы Минорный унёс с собой в глубь сеней, и там они были заглушены тонким визгом двери. От этого визга Ярославцев вздрогнул, скорчил болезненную гримасу и опустился на стул, побуждённый к этому гнетущей тяжестью

сообщения Минорного.

Как только Минорный сказал фамилию Кравцова, Кирилл Иванович воспроизвёл перед собой фигуру человека среднего роста, сухого, угловатого, нервного, с чёрными, всегда вздрагивавшими усами и с горящим, блуждающим взглядом миндалевидных чёрных же глаз. По морщинистому белому лбу этого человека страшно двигались густые брови, то всползая к жёстким, ершистым волосам, то вдруг спрыгивая вниз и совершенно закрывая впадины глаз. В разговоре он иногда удерживал одну бровь – левую, прижимая её длинным пальцем левой же руки; это не мешало другой брови всползать к волосам, и тогда всё лицо говорившего перекашивалось и принимало мучительно острое выражение напряжённого желания проникнуть куда-то недосыгаемо для других, глубоко, и постичь что-то непостижимое никому. Глаза же в это время металы искры, и в них было целое море не то тоски, не то мучительного восторга.

Давно уже все считали его человеком ненормальным, и он каждый день подтверждал этот взгляд, высказывая сегодня желание учиться математике, чтобы постичь тонкости астрономии; завтра – уйти в деревню, чтобы обрести там равновесие души; уехать в Америку и бродить в степях, конвоируя гурты скота; поступить на фабрику, чтобы развить среди рабочих теории социализма; учиться музыке, ремеслу, рисованию. Необходимость для себя всего этого он доказывал всегда уверенно и ясно, а если его оспаривали – с бешеной горячностью. Главным источником своих желаний он выставлял чувство самосохранения.

«Ничего не делая, погибнешь чересчур глупо для человека. Все скоты делают нечто, я же человек и должен творить!» – вспомнил Кирилл Иванович две его фразы.

Принято было называть его «метафизиком» за такие и другие, в этом же роде, речи.

Он никогда не умел привести строго логических доводов в пользу того или другого из своих воззрений, поступков, желаний и всегда отделялся краткими афоризмами в догматическом тоне, и за пристрастие к таким афоризмам считался человеком, живущим прежде всего для громкого слова. К нему привыкли и не обращали на него особенного внимания. Ярославцев, встречаясь с ним, никогда не пытался представить себе, с кем он имеет дело, вполне полагаясь на чуткость и верность взгляда тех людей, которые дали Кравцову эпитет ненормального и психопата.

Но теперь этот Кравцов вдруг стал мучительно интересен. Дней пять тому назад Кирилл Иванович вместе с ним катался в лодке и ничего особенного не заметил за ним.

Они сидели в лодке рядом, и он своим отрывистым стилем, но веско и вполне ясно для него, Кирилла Ивановича, доказывал, что демонизм, символизм и иные болезненные формы мысли есть бешеная, но необходимая реакция против распространения материализма и что кредит материализма скоро и непременно будет подорван в глазах всех мыслящих людей. Кирилл Иванович снова вспомнил металлически звеневшие фразы:

«Причина современного шатания мысли – в оскудении идеализма. Те, что изгнали из жизни весь романтизм, раздели нас донага; вот отчего мы стали друг к другу сухи, друг другу гадки. Ещё мы не настолько психически окрепли, чтоб без вреда для себя до конца выслушивать правду. Кто знает, может быть, высшая истина не только не выгодна, но и прямо-таки вредна нам?»

«А что же теперь говорит этот человек, – теперь, когда он сумасшедший? И что такое быть сумасшедшим?»

Ярославцев вспомнил, что кто-то определил сумасшествие, как преобладание деятельности какого-нибудь одного из свойств психики над всеми другими, а ещё кто-то – как поражение памяти каким-либо одним фактом или мыслью.

Ему представилась внутренность какого-то пружинного механизма: массы спиральных пружин сокращаются и расширяются, взаимно сообщая друг другу силу и движение, и из этого движения рождается мысль. Вдруг одна из пружин почему-то начинает сокращаться сильнее других – полная путаница среди остальных, пока они не возьмут нового такта или пока она не возьмёт старого такта. Или вдруг в их систему вторгается извне нечто тяжёлое, поражающее и падает как раз на ту пружину, что записывает прошедшее, и вот она, поражённая ударом, не может уж больше отметить чего-либо иного и вечно пишет одну и ту же мысль, воспроизводит

одно и то же впечатление.

«Всё это очень просто и очень жалко. Зачем нужно, чтоб человек сходил с ума? Разве на его долю мало всех иных болезней и несчастий?» – подумал Ярославцев и вспомнил, что ему нужно идти туда, к больному.

Но он не встал и не пошёл, а продолжал думать, сидя на стуле, в пальто и фуражке.

«А вдруг он стал теперь гением?.. Ведь было доказано, что гении – сумасшедшие.

Никто не рассказал, как создаются гении. Может быть, сходя с ума, отдаваясь в рабство идее...»

Кирилл Иванович ощущал в себе желание повторять каждое слово по нескольку раз, но почему-то боялся делать это. Слова казались ему разноцветными пятнами, вроде лёгких облаков, рассеянных в безграничном пространстве. Он летает за ними, ловит их и сталкивает друг с другом; от этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если её вобрать в себя вместе с воздухом и затем выдохнуть, то она зазвучит, и от этого получается речь.

– Однако как это всё просто! – Он засмеялся. – Декаденты – тонкие люди.

Тонкие и острые, как иглы, – они глубоко вонзаются в неизвестное, – с удовольствием, щёлкнув пальцами, произнёс он.

Дверь отворилась, и в отверстие просунулась голова квартирной хозяйки.

– Сидит одетый, смеётся и разговаривает сам с собой... Тоже занятие!

Самовар подавать, али уходите куда?

Хозяйка говорила ворчливо, а смотрела ласково. Глаза у неё были маленькие, но живые; от них к вискам легли складки тонких морщинок, и это придавало им улыбающийся блеск.

От её речи Ярославцев почувствовал себя как бы только что возвратившимся откуда-то и очень утомлённым.

– Самовар? Нет... не надо! – Он махнул рукой. – Я ухожу... может быть, до утра. Знаете, один мой знакомый сошёл с ума. Как вы полагаете, это что такое?

– Чтой-то, господи! Один недавно пристрелился, другой сошёл с ума... ну друзья у вас!.. ай-ай!.. Что такое – говорите? Известно что – божья воля.

– Божья воля? – задумчиво произнёс Кирилл Иванович и зачем-то снял с головы фуражку. – Это странно, знаете... очень странно... да!

– Который это сошёл, русский, трёпанный, в серых штанах, или тот – весёлый, в золотом пенсне? – спросила хозяйка.

На её толстом, морщинистом лице и в тоне её вопроса звучало много жалости, отчего Кириллу Ивановичу стало грустно.

– Нет, не эти, а знаете – чёрный, в крылатке, с тростью и с прыгающими бровями, – серьёзно и тихо отвечал Кирилл Иванович и почувствовал, что у него щекочет в горле и на глаза навёртываются слёзы.

– Не заметила такого. Видно, редко бывал, не встречала. Идите. Да долго-то не надо там торчать... Сам-то вон какой жёлтый стал! – сурово говорила хозяйка.

Ярославцев снова надел фуражку, встал и молча пошёл из комнаты, полный грустного чувства и утомления.

– Дверь-то закройте! – крикнула вслед ему хозяйка.

– Не надо! – печально кивнул он головой.

Ошибка. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Было уже около шести часов вечера, но июльский зной ещё не растаял – им дышали и камни мостовой, и стены зданий, и безоблачное небо. Пыльные листья деревьев, перевешиваясь через заборы, не шелестели; всё было неподвижно и казалось ожидающим какого-то толчка.

Из открытых окон белого дома хлынула волна растрёпанных и негармоничных звуков рояля; они бестолково запрыгали в воздухе, Ярославцев вздрогнул и оглянулся вокруг, желая посмотреть, что делается с улицей от этого шума. Но всё оставалось неподвижным, а звуки уже исчезли так же бессмысленно, как и явились.

«Кратко бытие звука!» – мелькнула у Кирилла Ивановича посторонняя мысль, и, как бы в виде эха её, в нём разлилось острое желание взять высоким фальцетом несколько нот – а-о-э-о-а! – как делают певцы. Но он подавил в себе это желание и пошёл дальше, наклонив голову под наплывом стаи новых мыслей и стараясь формировать их в слова, сообразно с тактом шагов. От этого каждое слово раздавалось где-то внутри его, как удар в большой барабан. Эти думы в такт шагов вызывали за собой ощущение приятной лёгкости и пустоты в груди, в животе, во всём теле. Казалось, что мускулы растаяли от жары и остались только тонкие, упругие нервы, настроенные меланхолически, но выжидательно, как и всё кругом.

«О чём он теперь говорит и как думает? – размышлял Ярославцев о Кравцове.

– И что я с ним буду делать? Понимать его, наверно, нельзя.. Зачем же я при нём буду?.. И с какими моральными фондами? С любопытством? Сумасшествие – это почти смерть. Если он ещё не совсем сошёл с ума, то я буду присутствовать при его агонии.

Замечательно, почему человек возбуждает к себе больше внимания, когда он погибает, а не тогда, когда он здоров и в безопасности? Иногда мы при жизни совершенно не замечаем человека, нимало не интересуемся им, и вдруг, услышав, что он при смерти или помер уже, жалеем, говорим о нём.. Точно смерть или её приближение сближают и нас друг с другом. Тут, наверно, есть глубокий смысл.. Если только тут нет крупной лжи, исстари привычной нам и поэтому незаметной для нас. А может, наблюдая чужую гибель, мы вспоминаем о необходимости погибнуть и самим нам и жалеем себя в лице другого.

В этом есть нечто хитрое и, пожалуй, постыдное.. А впрочем, и всё обыденное в этой жизни – хитрое и постыдное.. А вот сожаление – жестоко.. Жалость и жестокость!..

Да ведь это два совершенно однородные слова!.. Удивительно, как этого до сей поры никто не замечал! Надо написать об этом статью.. Пусть одною ошибкой будет меньше».

Вместе с этим открытием Кирилл Иванович восстановил в памяти случай из своей жизни в деревне: упала в овраг тёлка, сломав себе обе передние ноги. Чуть не вся деревня сбежалась смотреть на неё.. А она, такая жалкая, лежала на дне оврага и, жалобно мыча, смотрела на всех большими влажными глазами и всё пыталась встать, но снова падала. Толпа стояла вокруг неё и больше с любопытством, чем с состраданием, наблюдала за её движениями и слушала её стоны. И он тоже смотрел, хотя это было неинтересно и очень грустно. Вдруг откуда-то появился кузнец Матвей, высокий, суровый, выпачканный углями. Рукава у него были засучены, и в одной руке он держал тяжёлую полосу железа. Вот он обвёл всех строгим, тяжело укоряющим взглядом чёрных глаз, нахмурил брови и, качнув головой, громко сказал:

– Дураки! чем любуетесь?

А потом взмахнул своею железной и ударил тёлку по голове! Удар прозвучал глухо и мягко, но череп всё-таки раскололся, и это было очень страшно. Тёлка больше не мычала и не жаловалась на боль своими большими и влажными глазами.. А Матвей спокойно ушёл.

«Вот он как жалел, этот Матвей! Может быть, он так же бы поступил и с человеком безнадежно больным. Морально это или не морально?»

– Ярославцев! стойте, вы куда? – раздался звучный окрик.

Он вздрогнул: на крыльце хорошенького домика стоял Лыжин, засунув руки в

Ошибка. Максим Горький gorki.maksim.ru
карманы. Ярославцев вспомнил, что тут именно и живёт Кравцов.

– Я к вам... то есть к нему...

– Ага! Ну, вот спасибо, что поторопились, а то у меня, знаете, работищи без конца. Это Минорный вытащил меня, соскучившись слушать премудрости Кравцова.

Всё, знаете, говорит! Только сейчас задремал. Доктор определил, что пока это не опасно, просто сильное нервное возбуждение, по-моему – тоже. Говорит он, право, не бессмысленнее, чем всегда говорил, но вот много чересчур – это так. Ну, так вы мне позвольте улетучиться. Придёт Ляхов, скажите ему: доктор был и рекомендовал кали, кали и кали... До свидания.

Он протянул Ярославцеву руку, тот молча стиснул её и, задержав в своей руке, шёпотом спросил:

– Отчего это он, по-вашему?

– Отчего? Гм... Как это скажешь? Знаете, всегда ведь он был с зайцем в голове... Захочет пить – давайте из бутылки на окне, это тоже какая-то умиротворяющая специя, вроде кали. Ну-с, иду! Addio!

Он перекинул на руку пальто и пошёл.

Ярославцев посмотрел вслед ему и стал соображать, что теперь делать: идти в комнату, где лежит тот, или ожидать здесь, когда он проснётся и заговорит? Ему представлялось, что как только Кравцов проснётся, так сейчас же выкрикнет высокую, звонкую ноту, вслед за ней начнёт говорить быстро и громко, так, как говорят бойкие бабы-торговки, и это будет походить на барабанную дробь.

Он думал и шёл, наклонив голову, не отдавая себе отчёта в том, куда идёт.

Все его думы вдруг как бы сгорели, на душу осыпался их пепел, – осыпался и покрыл её тёплым пластом тихой печали.

Скверный аптечный запах заставил его очнуться. Он стоял перед дверью в маленькую комнату, в ней царил хаос: стулья были сдвинуты на середину и стояли неправильным полукругом перед койкой; на полу валялись рваные бумажки, книги, черепки тарелки, красный вязаный шарф. Перед койкой стоял круглый стол со стаканом жидкого чая. Из-за доски стола не видно было головы человека, спокойно вытянувшегося, вверх грудью, на койке. Одно из двух окон комнаты было завешено синей тряпкой, другое заставлено банками цветов, и сквозь них видны были кусты шиповника, акации и сирени в палисаднике.

Осмотрев всё это, Ярославцев поднялся на цыпочки, подняв кверху указательный палец правой руки, как бы предостерегая от чего-то сам себя, и двинулся к койке, плавно взмахивая в такт своих движений левой рукой. Подойдя к столу, он нагнулся через него и, удерживая дыхание, заглянул в лицо больного.

Оно очень похудело с той поры, как Ярославцев видел его в последний раз, но и только. Вообще же оно было спокойно, как у всех спящих людей. Ярославцев облегчённо вздохнул. Он представлял себе, что болезнь наложила на лицо Кравцова какой-нибудь уродливый отпечаток, искривила, изломала его. И он отошёл прочь, улыбаясь, в высшей степени довольный своей ошибкой.

Но вдруг, обернувшись в сторону, он увидел, что со стены на него смотрит чьё-то искривлённое странной улыбкой лицо, бледное, с прищуренными глазами и всё дрожащее от сдерживаемого возбуждения. В уровень с этим лицом была поднята рука с вытянутым указательным пальцем, – она как бы грозила и, вместе с лицом, была полна ехидного торжества.

По жилам Ярославцева пролилась холодная тоска, сжав ему сердце предчувствием чего-то неотразимого, рокового, и, подавленный ею, он тихо опустился на стул. Потом он почувствовал, что под кожей левого бока у него вздуваются и тотчас же лопаются какие-то пузырьки, отчего ему стало тоскливо-неприятно. Он снова встал, стараясь не смотреть на ту стену, с которой ему грозили, и с гнетущим ужасом вспоминая, где он видел раньше это исковерканное лицо, в котором есть черты, знакомые ему?

«Неужели это оно, – то существо, которому всё известно?»

Перед Ярославцевым вдруг распахнулась тёмная пропасть без дна и края, полная бесформенного, гнетущего мрака. Он отшатнулся, крепко зажмурил глаза. Его тянуло вниз, и он почувствовал, что если не откроет глаз, то сейчас же полетит туда и будет лететь без конца, замирая от страха и с каждой секундой всё сильнее ощущая его.

Он дрогнул, быстро взглянул перед собой и вздохнул свободно и легко: он был тут, в комнате Кравцова, и под ногами у него был твёрдый пол, в чём Кирилл убедился, сильно надавив его ногой. Тогда ему снова страстно захотелось ещё раз взглянуть туда, на стену... Осторожно приподнимаясь со стула и в то же время поворачиваясь назад, он увидел его, это лицо; но теперь оно было только жалко и, выражая напряжённое и боязливое ожидание чего-то, замерло в этой мине. Он узнал себя.

«Это зеркало... Д-да-а!» – догадался он и увидел, что рама зеркала была сверху, справа и слева закрыта повешенным на него белым полотенцем, а снизу её скрывали рамки карточек; обои комнаты были тоже белые, – вот почему зеркало было незаметно и так напугало его. Но это открытие не убило в нём тоскливого предчувствия, даже ещё принесло с собой нечто, подчёркивающее это предчувствие. Кирилл Иванович, глядя на своё отражение, задумался.

«А ведь это я сам схожу с ума!» – вдруг проникся он весь острой мыслью, вызвавшей во всём его существе тихую, ноющую боль, точно все его мускулы сразу напитались промозглою и влажною сыростью погребя. Ему захотелось кричать, звать на помощь, он чувствовал, что уже оторвался от земли и падает куда-то сквозь палящие зноем слои воздуха. В его груди нестерпимо ныло, – он схватился за неё руками и стал крепко растирать её, – в голове билась уничтожающая мысль и, не затемняя её, кружились ещё какие-то обрывки мыслей, воспоминаний, целый вихрь, точно в его мозгах всё было разорвано, разбито, исковеркано и в ужасе разбегалось перед этой мыслью о безумии.

Он открыл рот, глубоко вздохнул и, вобрав в себя страшно много пахучего воздуха комнаты, напряг грудь, чтобы крикнуть.

– Дурак! Противная рожа! – раздался презрительный и насмешливый голос. – Что ты строишь себе гримасы, когда ты сам не более, как гнусная гримаса природы?

Шпион! Ф-фа!..

Кирилл Иванович быстро обернулся с выпяченной вперёд грудью. С койки, упершись локтями в подушку и подпирая подбородок ладонями, смотрел на него Кравцов глазами, полными ядовитой иронии и лихорадочного блеска. Усы его ехидно вздрагивали, а брови всползли к щетинистым волосам, стоявшим на голове ершом. Губы были искривлены в сардоническую улыбку; он поводил ноздрями; всё лицо его неустанно содрогалось, образуя тут и там кривые узоры морщин, – он был уродлив и страшен.

«Вот кто сумасшедший! Он, – не я!» – вспыхнул новой мыслью Ярославцев, и эта новая мысль уничтожила ту, которая угнетала его.

Он выдохнул из себя целый столб воздуха и почувствовал, что холод и ужас, сковавшие его мозг, исчезли. Ему было невыразимо приятно смотреть на искажённое лицо Кравцова, и чем больше он смотрел, тем полнее сознавал себя.

«Вот что значит – сумасшедший! – воскликнул он внутренне. – На кого он похож?..

На дьявола, которого один святой поймал в своём рукомыльнике и запечатал его там своим крестным знаменем!»

Это сравнение ещё более подняло Кирилла Ивановича в своих глазах, и он сейчас же, вслед за ним, с глубокою верою в себя и с восхищением подумал:

«Разве это не верно? Разве человек с мыслью, затемнённой безумием, способен на такой широкий шаг в прошлое за образом, нужным его мысли?»

А Кравцов всё говорил едкие слова, не сводя с него пылающих глаз.

– Слушай, ты – шпион!

Ярославцев подвинул стул ближе к койке и с приятной улыбкой, протянув руку Кравцову, сказал:

– Марк Данилович, что с вами? Это я!

– Ну да, это ты! Я знаю, ты шпион и пришёл наблюдать, как я думаю. Ты не узнаешь, не откроешь ни одной моей мысли. А я спасу их всех, я знаю, что им нужно... Я понял!

– Марк Данилович! – убедительно, ласково и радостно говорил Ярославцев.

– Разве вы меня забыли?

– Тебя? Забыть? Нет, вас нельзя забыть, вы всюду... Вы – это мухи, вы – это тараканы, клопы, блохи, пыль, камни стен! Вам прикажут – и вы принимаете на себя все формы, воплощаетесь во всё, исследуете всё, – и следите, как, о чём и зачем люди думают. Но вы всё-таки слабы! Я же – могуч! Во мне пылает бессмертный огонь желания подвига! И вот я, как Моисей из Египта, выведу вас из жизни, из помойной ямы, где вам так хорошо дышится. Выведу, и придём мы в обетованную страну, где воздух слишком чист для вас и где, поэтому, вы не можете жить. Там я напою моих братьев из Кастальского источника свободы, и воспрянут души их к жизни творчества... к жизни подвигов... к жизни всепрощения и воссоздания человека! А вы, как египтяне, погонитесь за нами и исчезнете, потонете, захлебнётесь в море собственной гнусности, найдёте смерть! Ибо вы в себе носите смерть!

«Это он о чём?» – думал Ярославцев, теряя свою радость под торжественные и громкие речи. Глаза Кравцова испускали острые, светлые лучи, коловшие лицо и грудь тонкими, палящими уколами.

«А! он ведь читал отцов церкви... Августина... и Златоуста... Зачем он это читал? Разве нечего читать кроме? Значит, он давно уж... Очень смешной человек!..»

О чём он говорит? Ба! – просиял Ярославцев. – Он меня называет шпионом, – значит, у него мания преследования! Он говорит про себя: «Я как Моисей!» – значит, у него мания величия! Господи, как всё это просто! Наука! Вот наука! Она всегда как факел. Бедный человек!»

Он почувствовал, что сейчас заплачет от жалости к Кравцову, снова охваченный тёплым и радостным сознанием правильности своей мысли.

А с его бедною мыслью творилось что-то странное: то она опускалась в какой-то мрачный ухаб, теряя горизонты; то вдруг поднималась куда-то высоко и свободно, охватывая огромное пространство; то текла медленно и лениво, как бы изнемогая; то быстро стремилась к чему-то, задевая по дороге массу разнородных предметов; и снова точно падала вниз, исчезала. Тогда Кирилл Иванович чувствовал только тревожное биение своего сердца и больше ничего.

Кравцов вдруг весь извился змеей и сел на койке, в одном белье, с раскрытой грудью, возбуждённый и мрачно торжественный.

– Ты, слушай! Я пойду и созову всех их в поле. Там соберёмся все мы, нищие духом, и грустно уйдём от жизни, нищие духом! Но – не радуйся! И все твои – пусть они не радуются нашему поражению, хотя мы и признаём его, ибо уходим с разбитыми щитами надежд в руках и без брони веры, потерянной нами в битвах. Мы воротимся богатые силой творить и вооружённые крепкою верой в себя, её же нет крепче оружия! Ты понял?

Тыпустишь меня на этот подвиг? Зато я, по возвращении в жизнь, прощу тебя первого. Эй, ты!пусти меня!

«Кого он хочет спасать и обновлять?» – медленно вертелись мысли в голове Кирилла Ивановича.

Ему уже снова не жалко было Кравцова, он даже немного злился на него за то, что он, не переставая, говорил торжественные слова и они, звеня в голове, мешают

Ошибка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

уловить некоторую важную мысль. Дело в том, что в голове Ярославцева всё вдруг окрасилось в разные цвета, он ясно почувствовал и видел это: перед его глазами плавали и кружились круглые пятна – жёлтые, синие, красные. Их было много, все они быстро вертелись, из них выбивалось и никак не могло выбиться одно, ярко-зелёное и многообещающее.

Это непременно что-нибудь о вере. Но голос Кравцова сотрясал воздух, и всё дрожало, сливалось, путалось между собой.

«Ах, как он громко! – с тоской воскликнул про себя Ярославцев. – Чего он хочет? Э, урод! Что такое – вон из жизни?»

Он вспомнил картинку: человек, с дудочкой во рту, стоял на берегу реки и играл на своей дудочке, а к нему со всех сторон бежали крысы и мыши. В этом человеке было что-то общее с Марком Кравцовым. Смешно! И Ярославцев вдруг расхохотался, качаясь на стуле из стороны в сторону.

Больной откинулся назад, оперся спиной о стену и замолчал, наклонив на грудь голову.

– Вот – торжествует Иуда! – громко прошептал он.

Они долго молча рассматривали друг друга, Кирилл – выжидательно и робко, а Кравцов – пылливо и угрюмо. Ярославцев почувствовал, что лучистые глаза больного притягивают его к себе, и, наклонясь на стуле, облокотился у ног Кравцова о койку.

Стало тихо. На улице уже стемнело, от кустов палисадника на стёкла окон и подоконники легли вечерние тени. Наконец Кравцов вдруг улыбнулся и тихо сказал:

– А ведь я вас знаю!

– Конечно! – утвердительно кивнул головой Ярославцев и добавил почти шёпотом: – Вы бы говорили. А то очень страшно... уже ночь.

– Говорить? С вами? Ведь я вас знаю! Вы – Ярославцев, статистик? Вам теперь стыдно?

– Мне? Нет, ничего. Но – страшно.

– Да! Это так! Страшно! Бойтесь будущего!

Они оба теперь говорили шёпотом, и оба старались сказать каждую новую фразу ещё тише, чем предыдущую. Несмотря на сумрак в комнате, Кирилл ещё видел лицо больного и улыбку на нём. Его всё сильнее тянуло к этому человеку с лучистыми глазами.

– Вы думаете, что вашу статистику и ограничивается всё, да? – внушительно прошептал Кравцов. – Нет, вы ошиблись! Есть ещё статистика совести, ею управляю – я! Я не даю пощады, – и знаю цену факта! Я вас уже подсчитал!

– Не надо пугать человека! – жалобно попросил Кирилл Иванович собеседника.

– Человека – да, но шпиона – надо! Зачем вы шпион? Зачем вы следите, как я думаю? Боже мой, ведь я только думаю! От этого вредно мне, только мне! Думать – это даже благонамеренно, потому что от дум человек погибает сам, и вы не тратите своих копеек на то, чтобы погубить его!

Шёпот Кравцова вдруг порвался, и металлически звякнуло громкое слово:

– День-ги! А, да! Вы хотите денег за мою свободу думать? Вы продаётесь?

Сколько?

– Послушай! – сказал убедительно, но всё-таки шёпотом Ярославцев. – Не кричи, услышат! Они всегда близко!

– Услышат?.. А ты тоже боишься? Почему же? Ведь ты мерзавец, и тебе можно

Ошибка. Максим Горький gorki.ucoz.ru

говорить громко. Слушай, пусти меня! Я иду делать простое и полезное дело. Оно легально, уверяю тебя. Я хочу вывести вон из жизни всех тех людей, которые, несмотря на свои пятна, есть всё-таки самые светлые люди в жизни... Они погибают от тоски одиночества и вашего гонения на них. Они задыхаются в смраде жизни, которым ты дышишь легко.

Это твоя стихия – но они... Дай мне спасти их! – крикнул он громко.

Ярославцева охватила волна едкой злобы. Он встал перед койкой и тихо, оскорбительно ясно зашипел в лицо Кравцову:

– Ты не кричи! Я тебе скажу... Ты – сумасшедший, вот что! Понимаешь? Ты со-шёл с ума! Да... Спаси!.. кого? Я – Ярославцев, Кирилл Ярославцев, а ты – сошёл с ума!.. Ляг! Понял?! Ну?! и всё...

Он снова опустился на стул, тяжело дыша, часто моргая глазами. Кравцов схватил себя за голову и страшно закачался из стороны в сторону.

Снова стало внушительно и пугающе тихо. Взошла луна, в душный сумрак комнаты через окно влился голубой свет и лёг полосой на полу.

Вспышка злобы ослабила Кирилла Ярославцева, а страх перед будущей минутой всё рос в нём. В тишине и глубоком полумраке комнаты безмолвно совершалось нечто таинственное и стройное – происходила какая-то разрушительная работа.

На голубую полосу лунного света на полу пали узоры теней от цветов на окне, и вместе это походило на некоторую хартию, исчерченную иероглифами, говорившими о глубоких тайнах жизни и о бессилии ума перед ними. Кирилл взглянул на это и быстро отвернулся, ощущая в груди какие-то толчки.

– Всё кончается! – тихо прошептал он, и ему стало невыразимо грустно.

Кравцов поднял голову и молча посмотрел на него, двинув бровями. Кирилл вдруг заплакал, обнял его ноги, крепко сжал их и ткнулся в них головой, всхлипывая, как ребёнок.

– Мне... страшно...

– Будущего? – тихим и торжествующим восклицанием спросил Кравцов, нагибаясь над ним и весь вздрагивая мелкою дрожью.

– Говорите... говорите! – шептал Кирилл.

– Ага! Я победил ещё одного! – тоже шептал Кравцов, отдирая его голову от своих ног. – Это хорошо... Победа... с первого шага!.. Ты каешься, да?.. Садись... иди сюда, я расскажу тебе всё.

Он пытался отнять руки Кирилла от своих ног, стиснутых ими, и поднять его голову, но тот не уступал ему, всё крепче прижимаясь и что-то бормоча сквозь рыдания.

Наконец Кравцов оставил его в покое; наклонясь над ним, упёрся руками в койку и заговорил тихо, но торжественно и важно:

– Ты знаешь людей в плену у жизни? Это те люди, которые хотели быть героями, а стали статистиками и учителями. Они некогда боролись с жизнью, но были побеждены ею и взяты в плен её мелочами... Вот о них-то говорю я и это их хочу спасти... Ты понял? Они погибают, ибо гонимы, ибо все смотрят на них как на врагов, а сами они враги себе. Рассеянные повсюду, они погибают от сомнения и тоски... от невозможности свободно ходить, говорить и думать... И вот их я соберу воедино, и выведу вон из жизни в пустыню; и там устрою им будку всеобщего спасения. Ты видишь – будка, а не коммуна, не фаланстер, будка – это легально, не правда ли? А я один стану над всеми ими и научу их всему, что знаю. Я знаю много, больше, чем есть материала для знания, ибо я знаю всё, плюс – моё знание!.. Мы источим по капле соки наши на песок пустыни и оживим её, застроив зданиями счастья! Среди нас будет возвышаться над всеми будка всеобщего спасения, и на вершине её, под стеклянным колпаком, буду вечно вращаться я сам и смотреть за порядком среди тех, что вручены мне судьбой. Я буду строг, но не по-человечески справедлив. Я

Ошибка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

знаю высшую справедливость. Я наложу на всех одну обязанность – творить. «Твори, ибо ты человек!» – прикажу я каждому. Это будет грандиозно! И когда мы создадим своё царство, в котором всё будет в гармонии, то созовём всех шпионов и всех сильных земли, и все глупые народы созовём, и скажем им: «Вот – вы гнали нас, а мы создали вам вечный образец жизни! Вот он, следуйте ему! Мы же, возрождённые из пепла, идём творить, вечно творить... Вот наша задача».

И мы, бывшие бедняки, уйдём, обогатив бывших крёзов богатством духа и силы жить.

Победа!.. Тогда я скажу всему миру: «Люди, оденьтесь в светлое, ибо ночь исчезла и не придёт больше». Вот какую идею родил я из несчастий и мук моей жизни, я, гонимый и затравленный, я, измученный. Ты хочешь быть? – твори новое! Дай что-нибудь людям, дай им, ибо они – жалки и бедны! Тогда как ты – со мной, значит – ты объединился с истиной. Ты будешь первый ученик мой – не плачь! Эй, ты, ребёнок, ты слаб ещё!

Ты тоже оскорблён? Ничего! Скоро ты возродишься к жизни новой, к жизни, в которой мы, наконец, будем принимать участие и будем вслух, громко, без боязни говорить о всём, о чём хотим! Ты не веришь мне? Верь!.. Хотя это кажется и несбыточным, но – верь всё-таки. Я твой добрый гений, я орёл будущего! Ручаюсь тебе, что все слова твоего сердца и ума получают жизнь, их услышат, над ними будут думать, их поймут, и ты получишь должное – славу человека, который жил для жизни и людей. Верь мне, мы напьёмся из полной чаши жизни, и все наши чувства будут удовлетворены. Знаешь ты, что сказал Григорий Богослов о Юлиане, который и есть отвлечённая формула отступления от истины и угнетения веры? И ты, может быть, как все, тоже думал, что Юлиан – это цезарь? Голубчик! Не верь этой пошлой истине, она стара; возьми из неё идею, но забудь о ней. Жизнь – в будущем, и там она наша. В прошлом только идеи, там нет лиц. А мы с тобой – лица и потому возьмём идеи, которые нужны нам для ступенек к лестнице счастья, по которой мы войдём в вечное блаженство, как ангелы во сне Иакова, как творцы жизни, обновители духа!

Его торжественный шёпот превратился, наконец, в поток слов, всё реже и реже оживлявшийся мыслью, и, наконец, просто в слова без смысла, связанные между собой, казалось, только единством звука.

– Спасение... Паскаль... пока...

Кирилл давно уже поднял голову и стал перед койкой на колени, всё обнимая ноги Кравцова. Теперь он закинул голову немного назад и с восхищением смотрел в лицо больного, не отрываясь ни на секунду от него.

На полу ещё лежала эта голубая хартия луны и теней, но начертанные на ней иероглифы изменились, стали проще формой, но ещё темнее цветом. Вся комната была заполнена волнующимися звуками торжественного шёпота. Тихая и тёмная ночь смотрела в окно.

Две человеческие фигуры, лицом к лицу друг с другом, не обращали внимания на то, что в дверь поочерёдно заглядывали то голова женщины в чёрном платке, то голова мужчины в шапке и с чёрной бородой. За дверью тоже слышался шёпот. А Кравцов, всё так же упираясь руками в койку, склонился к лицу Кирилла и всё говорил, говорил.

Это продолжалось почти до рассвета. И уже когда мгла за окном посерела, он, измученный, свалился на подушку и сразу замер.

Кирилл Иванович быстро встал, пугливо оглянулся и подскочил к нему. Рассветало.

Он сдёрнул с себя пальто, занавесил им окно и, снова подойдя к койке, прошептал:

– Ничего, говори!

Но Кравцов, должно быть, уже не мог говорить; он только кивнул головой и, вздохнув, отвернулся к стене. Тогда Кирилл сел у него в ногах на койку и, обняв свои колени руками, стал смотреть глазами любви и восторга на создателя будки всеобщего спасения.

В четырёхугольном белом пятне подушки его чёрная голова сначала выделялась

Ошибка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

резко, а потом стала таять и растаяла. Тогда на месте её появилась жёлтая, безбрежная и сухая пустыня, и в ней всё трупы, – много трупов людей, лежащих в разных позах и отдыхающих от утомления в пути. А далеко на краю пустыни сиял кроваво-красный шар, спускаясь куда-то вниз, а с неба падали мягкие и тёмные тени, окутывая усталых людей... Потом наступила ночь, явился сон, и раздался в тишине пустыни бред спящих.

Среди них один человек не спал, стоя посреди спящих, зорко глядя в небо, где было много звёзд, а ниже их неподвижно стояли в воздухе три чёрные точки. Это были орлы пустыни, и человек смотрел на них подозрительно и в ожидании.

И потом Кирилл видел дорогу, заполненную людьми, исходящими из плена жизни.

Их было много. Среди них были и дети; они плакали на руках матерей и отцов. А отцы и матери молча шли в пыли и в рубищах, и через их глаза Кирилл видел их души в тоске и в лохмотьях, – изорванные, изношенные души много страдавших людей. Впереди всех шёл он, великий человек, которого все слушались и на которого смотрели с надеждой, а рядом с ним Кирилл видел себя. Являлась тьма и всё скрывала собой.

Кирилл Ярославцев видел работу созидания будки всеобщего спасения... и снова тьму... И видел торжественное возвращение в жизнь... И снова тьму... И, наконец, только тьму, которой не было края и дна и которая дышала на него – в лицо ему и в душу – печальным холодом. От дуновения тьмы он качался, чувствовал, что вот сейчас он оторвётся от земли и полетит куда-то, и жил этим острым чувством, мешавшим ему сделать малейшее движение. И ему было тоскливо-больно, холодно, страшно...

Всё крепче сжимаясь в комок, он широко раскрывал глаза, стараясь увидеть вдали тьмы то, что должно было случиться с ним, ибо он чувствовал, что уже скоро, сейчас, в будущую секунду явится нечто освободить его из власти ужаса.

Лучи солнца упали ему в лицо. Он вздрогнул, зажмурил глаза и улыбнулся бледною улыбкой больного ребёнка.

И затем так же неподвижно, как и раньше, но уже с закрытыми глазами, сидел долго...

Полуночь, часов в семь, пришли Ляхов, Минорный и человек в золотых очках и с самоуверенным лицом. Они вошли в дверь тихо, по одному, и за ними в сенях остались какие-то странные фигуры людей.

– Ну, что? Не буянил? – сказал Ляхов, высокий человек с печальным и бледным лицом, Кириллу, который при их появлении спустил ноги с койки и смотрел на них с ясною улыбкой.

Кирилл пожал протянутую ему руку Ляхова и с тихим восторгом посмотрел ему в лицо.

– Вы уже пришли?.. Значит, пора?

– Да... – произнёс Ляхов и пристально посмотрел в лицо спящего Кравцова.

– Как же, дождёмся, когда проснётся? – спросил Минорный господина в очках.

– Я полагаю, прямо так взять и в карету. Идите сюда!

Он махнул рукой к себе, и в дверь вошли двое здоровых ребят в белых фартуках.

– Возьмите осторожно больного!

Тут Кирилл Иванович подошёл к койке, стал у её изголовья так, что закрыл лицо Кравцова, удивлённо посмотрел на всех и тихо, но внушительно спросил:

– Куда взять?.. Его взять? Куда взять?

– В дом, конечно, – сказал Минорный.

Ошибка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– В лечебницу, – одновременно произнёс доктор и пристально уставился чрез очки в лицо Ярославцева.

Тот крепко потёр себе лоб, как бы с усилием вспоминая что-то.

– Д-да!.. В лечебницу!.. А зачем же, собственно?.. И кто вы? – и Кирилл тихонько дотронулся до рукава доктора.

– Я – доктор, заведующий домом для душевнобольных, – сказал господин в очках, не переставая рассматривать его.

«Интеллигентный человек, значит!» – сообразил Кирилл и протянул ему руку.

– Мне приятно видеть вас... и я рад, что вы тоже идёте за ним, – сказал он, кивнув на Кравцова.

– Мы приехали в карете, – вмешался Минорный, тоже подозрительно оглядывая Кирилла.

– Ну, это напрасно, – махнул рукой Ярославцев, – мы пойдём все пешком, он – особенно.

– Да ведь он буянить будет на улице! – тихо воскликнул Минорный.

– То есть как это? – удивился Кирилл.

– Да вы что, батенька?.. Образумьтесь! Или вы тоже как он, с ума сошли?..

– Позвольте! – остановил доктор Минорного.

Кирилл вспыхнул и оглянул всех с улыбкой недоверия, со страхом в глазах.

Трое людей стояли и смотрели на него с боязливым любопытством и догадкой. Кирилл то краснел, то бледнел от внутренней работы. Улыбка исчезла из его глаз, и они, странно расширившись, вдруг ярко вспыхнули мыслью.

– Господа! – просительно зашептал он, сжимая руки и хрустя пальцами. – Господа!

Что вы? Это ошибка! Вы считаете его безумным? Это обидная ошибка, господа! Оскорбительная ошибка! Послушайте меня – оставьте его так, как он есть. Дайте ему исполнить задуманное им дело. Это великое, необходимое дело! Вы знакомы с его идеей? Нет? Как же вы, господа, решаетесь на такое отношение к нему?.. Это... странно! Вы послушайте! Я постиг его, я усвоил его идею. Ведь согласитесь, я же – разумный человек. Вот Бабкин засвидетельствует это и Ляхов. Да!.. Как же вы?.. Это возмутительно! Это недостойно вас! Вы вникните в суть его учения: мы подлеем, умирая морально, мы умираем смертью безумия, мы пошло умираем физически. Всё это от тоски по желаниям, от скорби одиночества, от недостатка жизни, в которой нам не дают места. Разве я говорю неразумно? Господа!..

Нам запрещено жить. Почему запрещено, господа? Разве мы преступны?.. И ещё скажите, разве он, предлагая нам выйти с ним за границы жизни в песчаные, необитаемые пустыни, – разве он не прав? Он приведёт нас обратно сюда... когда мы воскреснем духом. Господа, господа!.. Что вы хотите делать... Ведь так у вас все сумасшедшие, все, кто хочет счастья другим и кто простирает руки помощи... кто горячо жалеет и много любит бедных, загнанных жизнью и затравленных друг другом людей...

Наконец он задохнулся и умолк, обводя всех испуганными глазами, из которых текли крупные слёзы. Губы у него дрожали. Казалось, вот он сейчас зарыдает. И у Минорного тоже дрожали губы.

– Вот видите, как оно заразительно!.. а я двое суток... – шептал он доктору.

Тот почесал себе пальцем переносицу, приподняв очки, и, видимо, тоже поражённый, пробормотал: – Д-да, знаете... Странный случай!

Ляхов стоял и смотрел на всех, странно улыбаясь и всё покусывая себе губу.

Ошибка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Все молчали. Кирилл смахивал со щёк слезинки, стоя с убитым лицом. В его глазах светилось море меланхолии. Он стоял и обводил глазами комнату. За троими людьми против него стояло ещё двое в белых фартуках, и за дверью в сенях виднелись ещё головы... И все они упорно и молча ждали чего-то, ждали именно от него, ибо все смотрели в его сторону. Кирилл печально улыбнулся и робко сказал:

– Простите меня, господа! Вы правы, так как вас много! Я не оспариваю ваше право... я уйду... если могу?

– Подождите минутку! – любезным жестом остановил его доктор.

– Извольте! – и Кирилл покорно сел на стул, согласно указанию доктора.

Проснулся Кравцов. Он быстро поднялся, сел на койке и, сурово оглянув публику, наполнявшую комнату, громко спросил:

– Вы кто?

– Слушай, Марк, хочешь кататься? – спросил его Ляхов.

– Не обманывай меня, иезуит! Ты хочешь чего-то... Я знаю тебя... и всех вас!.. А! Вы пришли взять меня!.. Но я не дамся без борьбы! Нет!.. Я вас рассею, как пыль!.. Меня взять! нет!..

На него накинули какой-то длинный мешок. Он барахтался в нём, пока его не спеленали, как ребёнка. Вот его подняли на руки и понесли, а он, рыдая и извиваясь всем корпусом, кричал:

– Нет!.. Нет!.. Нет!..

В комнате остался Ляхов. Он подошёл к стене, снял с неё какую-то фотографию и, обратясь к Кириллу, который с неподвижной до ужаса сосредоточенностью в глазах смотрел куда-то в угол, ласково сказал ему:

– Ну, пойдёмте и мы!

Кирилл покорно встал и, не сказав ни слова, пошёл.

– Я ворочусь через час! – сказал Ляхов какой-то женщине, запирая дверь комнаты Кравцова.

– Я ворочусь через час! – как эхо повторил за ним Кирилл Ярославцев, взглянув на него своими мёртвыми глазами.

Теперь они оба в лечебнице – Кирилл Иванович Ярославцев и Марк Данилович Кравцов. На выздоровление Кравцова есть надежды, на выздоровление его ученика – нет.

Они встречаются друг с другом на прогулках в саду заведения. Когда Кирилл издали увидит черноусое и всегда пылающее возбуждением лицо Марка, он мелкими шажками бежит к нему и, снимая колпак, тихо шепчет:

– Говори, учитель!..

Кирилл говорит очень мало и всегда не иначе, как робким шёпотом. Если Кравцов ходит, то Кирилл, согнувшись, подпрыгивая, бежит за ним, а если он сидит, то Ярославцев садится у его ног, жалко смотрит ему в лицо и изредка просительно шепчет:

– Говори, учитель!..

И учитель говорит своему ученику возмущённо и строго о гонениях духа и страданиях духа, торжественно и важно о будке всеобщего спасения и с гордостью о самом себе, великом учителе и пророке разбитых жизнью людей.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Ошибка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши [buckshee](http://buckshee.ru/). Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!